

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Д. А. АНАНЬИНА	доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета (Чита), кандидат философских наук
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН	профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Э. В. БАРКОВА	профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), доктор философских наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения РАН, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Р. В. КОСТЮК	профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук
А. В. МАНОЙЛО	профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук
А. В. СКОРОБОГАТОВ	профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязева, доктор исторических наук
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент
ЧЖАО ХУН	аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доцент Марксистского института Цилиньского педагогического института инженерных технологий (КНР)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, приветствую всех присутствующих на заседании пятой секции!

Для нас Международные Лихачевские научные чтения — это продолжение дела жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева. Великий ученый-гуманитарий получил международную известность как исследователь русского Средневековья, осмысливший историю Средних веков и писавший работы о памятниках той эпохи. Постепенно по мере развития научной деятельности академик Д. С. Лихачев перешел от изучения памятников древнерусской словесности к исследованию культуры вообще и стал одним из ярких культурологов в нашей стране и мировом сообществе, оставив потрясающее наследие. Наш Университет — крупнейший центр по изучению наследия Д. С. Лихачева. В общей сложности мы выпустили около 150 его работ.

Тема секции «Россия в многополярном мире: новые цели и новые возможности» предполагает разговор о том, что сегодня происходит в мире, но с точки зрения не военных людей, которые могут обсуждать, чьи ракеты или танки лучше, а гуманитариев, на глазах которых происходят переустройство мира и тектонические сдвиги. Мировое развитие характеризуется неравномерностью: сначала доминируют одни цивилизации,

которые потом отходят на второй план, им на смену приходят другие цивилизации и т. д. В связи с этим возникает вопрос: какие цивилизации сегодня становятся доминирующими в мире?

На Лихачевских чтениях мы неоднократно обсуждали тектонические изменения: Запад, который безраздельно доминировал последние 20 лет после распада Советского Союза и создал все международные институты — от Международного валютного фонда до Международного олимпийского комитета — постепенно отходит на вторые позиции. Он упустил шанс сохранить свое лидерство 10–15 лет назад. По моему мнению, Запад стоял на развилке в 1968 году — именно тогда западная цивилизация могла пойти либо по линии гуманизации общества, и наступила бы эра милосердия при процветании гуманистических начал, либо по линии построения общества потребления, когда материальное становится главным, а жизнь миллионов людей подчинена интересам корпораций, производящих все больше автомобилей, одежды, шариковых ручек и прочего, истощающих природу и ставящих человечество в сложное положение. Именно последняя модель была избрана Западом в 1950–1960-е годы. Тогда молодежь протестовала против такого решения, заявляя, что смысл жизни заключается не в том, чтобы

ежегодно менять старый «мерседес» на новый, — в жизни есть другое измерение, но никто не воспринял их слова всерьез.

Все это привело к тому, что мы наблюдаем сегодня. США желают лидировать и дальше, но весь мир выступает против этого. Если упрощенно изложить суть драмы западной цивилизации, то люди поняли, что их страны делают донорами для того, чтобы богатая часть мира жила за их счет.

Сегодня на смену западной приходят другие цивилизации. Возникает вопрос: будет ли кто-нибудь из них доминировать? Между Индией и Китаем существуют противоречия, так же как и между Китаем и США, и т. д. На планете не осталось места, где никто ни с кем не конфликтовал бы и где человеку была бы гарантирована безопасность. Так не может продолжаться долго. Мы надеемся, что эта ситуация не разрешится войной с применением смертоносного оружия и человечество вступит в новую эру — эру милосердия, гуманизма, где молодежь, которая сидит в этом зале, будет востребована.

Желаю интересной дискуссии и успехов!

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, дорогие студенты и преподаватели, наша секция начинает свою работу.

Мы живем в кризисном мире в эпоху глобальной пересборки. В таком мире опор мало, но много рисков и неопределенностей. Об этом уже много лет говорят историки, политологи, экономисты, и нет конца подобным рассуждениям. В мире уже нет ни империй в классическом смысле, ни сверхдержав в том смысле, в каком мы употребляли это понятие во второй половине XX века. Рисков и неопределенностей много, но это не значит, что нет опор. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений во многом ушла в прошлое, но наследие 1945 года — современное международное право, Организация Объединенных Наций — сохраняет элементы стратегической стабильности. По-прежнему ядерный век обуславливает наше будущее с точки зрения вероятности существования человечества.

В мире сложилась практика создания постоянных альянсов, характерная для второй половины XX века. В то же время часто возникают ситуационные союзы, коалиция добровольцев. То есть мы наблюдаем изменяемую геометрию мировой политики, глобально-го управления и регулирования. Но, несмотря на то, что в XXI веке существуют довольно жесткие блоки, большинство стран выбирают политику многовекторности — в этом и состоит суть момента. Ведущие центры силы в мире, по крайней мере те, кто считается таковым или стремится к обретению этого статуса, конкурируют друг с другом за умы, сердца и кошельки Глобального Востока и Глобального Юга. Ситуация очень подвижная и требует больших затрат от прежних доминирующих держав-гегемонов, которые сейчас пытаются переманивать на свою сторону значительное число стран.

Мы живем в мире деглобализации. Ясно, что это не мир антиглобализма. В этом мире происходит все боль-

шее обособление конкурирующих макрорегионов. Но деглобализации как краха представлений о взаимосвязанности мира мы не наблюдаем.

Судя по названию нашей секции, мы живем в полицентричном (или многополярном) мире. Но мне кажется, что мы немного забегаем вперед, потому что если бы мы жили в многополярном мире, то смогли бы точно сказать, какой этот мир, посмотрели бы на него и проанализировали. Но пока мы не можем этого сделать. Более точное название: «Россия в формирующемся полицентричном мире». О том, какой будет модель полицентризма, ведутся споры. Будет ли это мир полицентричного хаоса, пока не совсем ясно.

Как директор Института Европы отмечу, что европейская тема не раз звучала на пленарном заседании Лихачевских чтений. Ясно, что европоцентризм в мировой политике и международных отношениях давно ушел в прошлое. По нему было нанесено два мощных удара: Евросоюз питал надежды на возрождение полицентричного мира в конце XX — начале XXI века, когда идеологическая и политическая конкуренция между стратегиями в Евросоюзе и США была довольно ярко выражена, но все это в прошлом. И Запад вновь делает ставку на западнцентричный мир, правда, с меньшим числом козырей на руках. Часто рассуждают о так называемом двухъядерном Западе, где есть два ядра, хотя и разной величины, — США и Западная Европа. Сегодня формируется и двухъядерный Восток, включающий Россию и Китай. Но насколько двухъядерный Запад и двухъядерный Восток создадут что-то вроде новой биполярности (если вспомнить классическую биполярность, которая возникла после 1945 г.), у специалистов нет единого мнения.

Европа находится в состоянии экономической стагнации. Об этом свидетельствуют все показатели, как социальные, так и экономические. В последние годы происходит вымывание среднего класса, который в 1950–1960-х годах был становым хребтом модели государства благосостояния в Европе. В Евросоюзе по-прежнему развивается вредная тупиковая стратегия, я назвал бы ее зеленой мистификацией, когда верное представление о том, что относится к природе и происходит с климатом, насколько прогрессивны зеленые технологии, было политизировано, потому что зеленые технологии пытаются подчинить целям геополитики тех или иных центров силы.

В XXI веке вновь встал вопрос, состоится ли очередной закат Европы — закат Европы 2.0. В связи с этим вспоминается знаменитый труд Освальда Шпенглера «Закат Европы», состоящий из двух томов: первый вышел в 1918-м, второй — в 1922 году. Думаю, что, как и в начале XX века, к закату Европы надо относиться не буквально, а как к циклу определенного затухания и, возможно, в будущем нового рывка в развитии. Пока ясно, что Европа уходит на второй план по мере смещения центра тяжести мировой экономики и политики в Азиатско-Тихоокеанский регион.

К сожалению, мы живем в эпоху быстрой милитаризации, когда получили распространение региональные конфликты и жесткая сила. Двадцать лет назад все говорили о «мягкой силе», о том, что войны уходят

в прошлое и якобы размываются границы национальных государств. Но этого не произошло. Мы живем в мире, где национальные государства, начиная с середины XX века и до сих пор являются главными строительными блоками в системе международных отношений. Сегодня мы находимся на пике жесткого столкновения геополитических мировоззрений. Речь идет не только о России и США, но и о Китае и Индии, а также о других державах, имеющих свое представление о том, каким должен быть мир в XXI веке.

Передаю слово сопредседателю нашей секции — профессору МГИМО Андрею Викторовичу Манойло.

А. В. МАНОЙЛО: — Уважаемые коллеги, вчера на пленарном заседании мы с большим вниманием следили за дискуссией. Основная тема, которой посвящены эти Лихачевские чтения, — БРИКС и новые возможности, которые будут возникать у России в связи с расширением этой интеграционной структуры. В этом отношении название нашей секции «Россия в многополярном мире: новые цели и новые возможности» больше всего отвечает проблематике, которую мы обсуждали вчера, потому что БРИКС вбирает практически все мировые полюсы, кроме одного — англосаксонского. БРИКС в многополярном мире является структурой большинства, и полюсы не просто взаимодействуют между собой в принятом в международных отношениях анархическом порядке, но еще и объединены общей миссией и общими целями.

БРИКС расширяется, что является показателем успешности этой организации. И несмотря на то что сегодня БРИКС — это пять основных стран (плюс недавно присоединившиеся ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия), к названию добавляют «плюс», это говорит о том, что значение этой структуры больше, чем просто интеграционное объединение пяти ведущих стран мира. В этом отношении, с одной стороны, БРИКС является альтернативой существующему мироустройству и той повестке, которую продвигает англосаксонский мир, а с другой стороны, происходит усложнение структуры БРИКС. Включение в БРИКС в будущем новых членов создает не только новые возможности, но и новые проблемы. И наша секция посвящена обсуждению в том числе и этих вопросов.

Мой доклад посвящен проблеме информационных войн. Речь идет о том, как с новыми вызовами и угрозами в информационной сфере справляется интеграционное объединение БРИКС, которое сегодня находится на восходящем тренде и в ближайшее время будет расширяться, эволюционировать в сторону международной организации (пока БРИКС таковой не является). У Российской Федерации как ведущей страны, входящей в это интеграционное объединение, с расширением БРИКС появляются новые возможности, но одновременно и новые риски и угрозы.

У нас нет сомнений в том, что чем сильнее и мощнее будет БРИКС и чем большую роль в этой организации будут играть Россия и Китай, тем чаще в отношении БРИКС будут проводиться информационные войны или информационные операции, как их принято называть. В связи с этим встает вопрос об обеспечении

коллективной безопасности БРИКС в сфере противодействия информационным операциям. Это непросто, потому что современные информационные войны — это не пиар-кампании, а особый вид вооруженных конфликтов, в которых столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия. То есть это такой же вид вооруженной агрессии, как и классические войны, только использующий, с одной стороны, новые формы и методы ведения вооруженной агрессии, с другой — новые возможности, которые предоставляют технологии информационного, психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание и новые каналы доведения информационного воздействия до целевой аудитории.

Здесь возникает вопрос о готовности стран, входящих в БРИКС, самостоятельно противодействовать таким операциям — оперативным комбинациям спецслужб, которые разворачивают в информационном пространстве разведки ведущих западных стран, в первую очередь спецслужбы США. Способны ли страны БРИКС противодействовать угрозам и на каком уровне смогут это делать в том случае, если станут объектами атак просто потому, что входят в БРИКС и занимают там активную позицию? И если самостоятельно они не в состоянии это сделать, то кто их может защитить?

Тактика современных информационных операций предельно проста. Сегодня все формы и методы, которые применяются спецслужбами при проведении операций информационной войны, базируются на психологических эффектах. Они элементарны и именно поэтому эффективны. На сегодняшний момент, к сожалению, порядка 90 % всех успешно проведенных информационных операций принадлежат американским спецслужбам.

Чтобы обеспечить эффективное противодействие, необходимо в первую очередь знать, что именно происходит в информационном пространстве. Следует различать информационную операцию, информационную или идеологическую диверсию, пропаганду, операцию по дезинформации и фейк. Нужно иметь в виду, что у всех этих видов есть свои отличительные признаки, но информационные операции, являясь оперативными комбинациями спецслужб на каналах открытой телекоммуникационной сети, всегда интеллектуальны. Разведка никогда не бьет по большим площадям, разведывательные операции спецслужб направлены против конкретных людей. Информационные операции всегда персонифицированы, индивидуальны.

В отличие от информационных операций, пропаганда неизбежна. То есть пропагандистское воздействие неадресно, оно всегда направлено на большие массы людей. В этом отношении пропаганда и ее инструменты эффективны, но пропагандисты никогда не знают, кого конкретно они «зацепят». Будет это лицо, принимающее решения, или люди, от которых ничего не зависит. Нормальный результат для пропаганды, когда из 1 млн охваченных пропагандистским воздействием 10 человек готовы последовать призывам пропаганды.

Информационно-идеологические диверсии всегда локальны по целям и задачам — это нанесение конкретного локального ущерба противнику. И, как правило, диверсионная деятельность проводится органами военной разведки, несколько реже — спецслужбами в поддержку операций вооруженных сил.

Фейки — инструмент дезинформации, это не операции и не атаки, а отдельные узкоспециализированные инструменты, на которые приходится не более 1 % от всего объема информационного противоборства. И если мы все силы и средства, которыми располагаем, а также лучших специалистов бросим на выявление и разоблачение фейков (которые, конечно, надо выявлять и разоблачать), то должны понимать, что 99 % информационного фронта останется без защиты. Противодействие в сфере информационных войн всегда должно быть соразмерно масштабу воздействия.

Возникает вопрос: каким образом мы можем защитить БРИКС от этих вызовов и угроз? Речь идет, во-первых, о возможностях ведущих стран, входящих в это объединение, во-вторых, о создании наднациональных структур по противодействию информационным операциям. Последнее — более серьезная задача: для того чтобы создать общую наднациональную структуру, например по выявлению, предупреждению и противодействию информационным операциям, необходимо синхронизировать подходы к противодействию информационным операциям, которые имеются у каждой страны, входящей в БРИКС. Эти подходы разнятся, потому что наши страны обладают различным опытом, разными традициями и представлениями о том, как именно надо организовывать противодействие.

Из пяти основных стран, входящих в БРИКС, лишь Российская Федерация умеет проводить не только оборонительные, но и наступательные операции. У нашей страны с 2019 года накоплен пуск и небольшой, но успешный опыт проведения таких операций. Китай в плане противодействия информационным операциям занимает оборонительную позицию. Это неплохая тактика проведения оградительных мероприятий, но Китай не силен в проведении активных мероприятий, то есть наступательных. Как противодействовать противнику, проводя наступательные операции, он не знает. Индия в значительной степени ориентируется на американский опыт. Более того, имея хороших специалистов по кибербезопасности, киберобороне и кибернаступлению, индийцы интегрированы с американскими структурами, в том числе разведывательными. Здесь возникает много вопросов о том, чьи интересы индийцы будут защищать в случае, если, допустим, американские разведки начнут проводить кибероперации. Бразилия придерживается открытого подхода к коммуникационным сетям, то есть выступает традиционно против запретов, их пространство — это открытое поле как для своего воздействия, так и для противника, что тоже вносит определенные коррективы.

Простым решением в этой ситуации и первым шагом к формированию единой структуры наднационального обеспечения информационной безопасности стран БРИКС могло бы стать создание киберполиции БРИКС, поскольку преступления в сфере кибербезо-

пасности давно криминализованы. По всей видимости, это и станет одной из задач формирования коллективной системы обеспечения информационной безопасности БРИКС в ближайшем будущем.

И. В. РУДИНА, доцент кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — *Андрей Викторович, Вы сказали, что в информационных войнах наиболее успешны Соединенные Штаты Америки. Приведите, пожалуйста, конкретные примеры. И есть ли успешно проведенные операции у России?*

А. В. МАНОЙЛО: — Примеров успешно проведенных Соединенными Штатами Америки информационных операций, к сожалению, довольно много. В качестве примера можно привести скандал с панамским офшорами, допинговый скандал со Всемирным антидопинговым агентством, пресловутое дело об отравлении Скрипалей, пражский инцидент, связанный со сносом памятника маршалу Коневу, развернутую оперативную комбинацию в Беларуси накануне выборов президента республики в 2020 году. Что касается операций России, то из практики конца 2020-х годов это операция с Диосдадо Кабелью в Венесуэле, оперативная игра с тогдашним советником по национальной безопасности президента США Робертом О'Брайеном, операция нашей военной разведки по компрометации одного из лидеров «Исламского государства»¹ на сирийском театре военных действий (скопировали снимки из его телефона и показали их высшему руководству — в результате этот деятель был ликвидирован).

Юлиана ДАНЧЕНКО, I курс, факультет конфликтологии: — *Андрей Викторович, скажите, пожалуйста, каким образом информационные войны могут повлиять на взаимоотношения между странами — членами БРИКС?*

А. В. МАНОЙЛО: — Информационные операции могут влиять на взаимоотношения между странами, входящими в БРИКС, поскольку они проводятся с целью обострения противоречий, которые существуют между членами БРИКС. Не всегда противоречия мешают сосуществовать этим странам и развиваться. Но при фокусировании внимания и нанесении соответствующих информационных ударов в одну точку противоречия можно искусственно раздуть, и они станут камнем преткновения в реализации общих направлений и проектов, между лидерами стран, входящих в БРИКС, могут возникнуть личные обиды. Существует большое количество болевых точек, надавив на которые можно развить подобного рода деструктивную деятельность.

Несмотря на то что члены БРИКС многое объединяет, руководство целого ряда стран, входящих в это объединение, по-разному смотрит на формирование многополярного мира и на то, каким он должен быть. И если нынешнее руководство Индии занимает проамериканскую позицию, то у Российской Федерации

¹ Признана в России террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

и Китая есть определенные трения с США. Как синхронизировать эти позиции? Но в принципе страны могут ужиться вместе в рамках этого объединения на основе взаимного уважения.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется профессору Надежде Гегамовне Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Хотела бы высказать несколько соображений о сегодняшней дискуссии и выступлении Алексея Анатольевича по поводу заката Европы. В книге О. Шпенглера на русском языке 1923 года издания значительную часть занимает вступительная статья «Гибель Европы, или Торжество империализма» академика Коммунистической академии, профессора А. М. Деборина. Тогда ожидали мировую революцию, именно поэтому книга с таким знаковым названием, как «Закат Европы», была уместна. Деборин в своей вступительной статье объяснял, что происходит с Европой. Но прошло всего два года, и книга Шпенглера была помещена в спецхран и переиздана только в начале 1990-х годов.

Когда Шпенглер говорил о закате Европы, он имел в виду европейскую культуру, что вершины культуры уже остались позади, но это совершенно не означало, что Европа умирает. Он тогда не ставил так вопрос, о чем свидетельствуют другие работы Шпенглера. Речь идет о переходе культуры в цивилизацию, под которой он понимал развитие техники и технологий.

Сегодня понятие «цивилизация», с одной стороны, расширилось, а с другой — сузилось, когда речь идет о цивилизации России. Я призываю студентов относиться к этому понятию аккуратно и разбираться в каждом конкретном случае, когда вы сталкиваетесь с материалом, позициями, концепциями и т. д.

Теперь о прогнозах. Александр Сергеевич на пленарном заседании задал вопрос о том, что нас ждет. В связи с этим уместно привести классический кейс, который мы рассказываем социологам. В 1898 году в Нью-Йорке состоялась первая конференция по городскому планированию (аналогичная конференция была проведена и в Лондоне). Обсуждался в том числе вопрос о том, как должен жить город, заваленный конским навозом. Вместо запланированных десяти дней участники свернули работу после трех, заявив, что проблема конского навоза и вообще лошадей в городах неразрешима. Прогнозировалось, что к середине XX века город по колено окажется в конском навозе и с этим ничего нельзя сделать.

Почему не был дан простой прогноз? Существует эффект устаревания знаний. Это не означает, что не нужно делать прогнозы и думать о том, что будет происходить в мире и в России. Но для того, чтобы прогнозы имели под собой фундамент, необходимо овладеть методологией. Методология для современных студентов — ключевое слово.

Сегодня существует много серьезных проблем. В частности, демографическая — Россия вымирает. За последние 50 лет, по данным Всемирного банка, среднее число детей, рожденных женщинами в течение жизни, сократилось с 4,9 до 2,5. До промышленной

революции женщины рожали много детей, которые начинали работать с 8–10 лет, — это был вопрос выживания семьи. Сегодня вопрос многодетности — большая проблема.

Другая проблема — линейный подход к определению глобальной расстановки сил, выделяющий этапы двухполюсного противостояния США и СССР и однополюсного доминирования США, сегодня не работает. Мне кажется, что государственная политика, основной задачей которой в многополярном мире становится удержание статус-кво, баланса интересов, должна руководствоваться правом на культуру.

На пленарном заседании Елена Григорьевна Драпеко озвучила дилемму: что важнее — право на жизнь или защита Родины? На мой взгляд, такая постановка вопроса некорректна. В данном случае больше подходит вопрос Михаила Борисовича Пиотровского об отмене культуры и о том, как его сегодня можно интерпретировать.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — *Пожалуйста, приведите конкретные примеры успешного прогнозирования в современности. Второй вопрос: как, на Ваш взгляд, соотносятся при рассмотрении будущего такие понятия, как прогнозирование и программирование?*

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Прогнозирование и программирование — вещи разные. Программирование, даже имея в виду не компьютерное, сегодня все равно связано с моделями, математическим моделированием, искусственным интеллектом. Об идеологическом программировании я не говорю.

Сегодня без математического моделирования ничего не возможно программировать. Кстати, это тоже не панацея — конечно, мы применяем математические методы, но это не означает, что мы совершенно точно все прогнозируем. К вопросу об удачном прогнозировании. Сбываются прогнозы Никиты Николаевича Моисеева, его работы 15–20-летней давности практически о сегодняшнем дне. Так что есть такие прогнозы, которые очень близки к реальности.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Добавлю, что в последние годы у нас в стране вышло несколько переизданий книги Освальда Шпенглера уже под другим, более точным названием: «Закат западного мира». В немецком оригинале у Шпенглера не Европа, а Запад или западный мир. Другое дело, что фаустовская культура у Шпенглера ассоциировалась с западноевропейской. А во втором томе он добавил — европейско-американская культура. Но он не предвидел, что США в ближайшем будущем превратятся в сверхдержаву и надолго подавят своей культурой, в том числе поп-культурой, те, о которых так пекся Шпенглер. И он же считал, что средняя продолжительность жизни культуры — это примерно тысяча лет. А фаустовская культура, по Шпенглеру, родилась на рубеже 1–2-го тысячелетий. Значит, в XIX веке она постепенно начала приходить в упадок, что в его понимании было не быстрым процессом и могло растянуться очень надолго. Культура оостеневала и перерождалась в цивилизацию, а цивилизации

могли тоже, по его мнению, жить сотни лет. Так что, если мы говорим сейчас о закате Европы, надо воспринимать это не буквально и примитивно. А если по Шпенглеру, то размышлять о том, что случится в следующие 100–200 лет, по крайней мере.

Приглашаем для выступления профессора Элеонору Владиленовну Баркову.

Э. В. БАРКОВА: — Тема сегодняшнего разговора — БРИКС-философия и ее место в формирующемся мире и российском культурном пространстве. Моим голосом сегодня будет говорить не только наш Плехановский университет — это и голос гуманитарно-культурного, гуманитарно-научного Донецка, где я возглавляю лабораторию экофилософских исследований и где мы пришли к выводу о необходимости перехода в понимании экофилософии от той модели, которая начиналась с исследований человек–общество, человек–природа, общество–природа, к концентрации на экофилософии человека и культуры. Только совестливый, ответственный, сохраняющий самосознание человек будет в состоянии в перспективе защитить природу и Землю.

Поэтому моя первая мысль связана с тем, что вихрь нового исторического времени, который столь стремительно ворвался в нашу жизнь, трансформировал не только наше индивидуальное мышление, систему ценностных ориентиров, локальных направлений в культуре, но и нечто большее, обозначив пределы жизне-способности цивилизации и культуры, в которой мы проживали много столетий, и соответствующего мышления и типа аналитики. Много говорилось о том, что сегодня нас не может не волновать, каким будет завтрашний день. Но едва ли кто-нибудь скажет это со всей определенностью с учетом того, что мы живем не столько в пространственном, сколько во временном континууме, то есть в процессе становления. И в этом смысле, конечно, о каких бы то ни было окончательных прогнозах не может быть и речи, вряд ли кто-нибудь возьмет на себя такую смелость. Тем не менее необходимо преодолеть в себе крайности релятивизма, размытости представлений об истине и ее отсутствии, добре и зле, ответственности и безответственности, красоте и уродстве и разрабатывать те модели, которые, вероятно, понадобятся не сегодня, а может быть, и не завтра, а послезавтра. Восстановить статус связи субъективного с объективными началами современного мира — мне это представляется важным.

Для того чтобы строить наши коммуникации, выстраивать перспективные отношения, нам сегодня необходимо очень многое перечитать. Думаю, что основой здесь должен быть гуманизм Дмитрия Сергеевича Лихачева, великих традиций отечественной и европейской культуры. Сегодня я бы во все гуманитарные программы ввела «Западно-восточный диван» Иоганна Вольфганга Гёте, в котором осуществлен первый реальный синтез Запада и Востока. Такие тексты есть, и не только в европейской традиции. Нужны новые приоритеты в системе гуманитарного образования. Другие важные тексты — те, которые выполняют жизнезащитную функцию, показывают потенциал со-

вершенствования человека. Человек не обязательно переходит в неочеловека, постчеловека, техночеловека, как об этом как о безальтернативности говорится в ряде философских направлений. Наука показывает другие возможности, которые еще сохраняются. И мне думается, что от нашей сегодняшней позиции зависит развитие человека в его всеобщности как часть эволюции нашей планеты и универсума. Для этого требуется мышление, которое базируется на открытой целостности как категории, но не системности, это другая логика. Поэтому человек-мир — очень важная исходная посылка для построения БРИКС-философии, традиционное философское пространство, где мир — это бытие, все сущее. Пространство связей — сегодня это пространство универсальных связей, представление о том, что типов связей может быть бесконечно много, они не ограничены только теми непосредственными коммуникациями, которые уже сложились и не могут быть изменены. И чрезвычайно важна работа с философской категорией универсальной связи человека с природой, космосом, культурой и прежде всего с самим собой.

Здесь уже шла речь о европоцентризме и о том, нужно ли его преодолевать. Я думаю, что формируется некий новый философский глобус, философско-образовательная культура мира. И проработка связей не только со странами БРИКС уже не роскошь, а необходимость, мы должны включать в свой актив самые разные категории содержания, понятия, образы, символы и аллегории, которые должны быть заново интерпретированы в аспекте новой философии. Именно поэтому я бы хотела сказать, что БРИКС-философия сегодня необходима как симптом нового мира. Это и основа взаимного интереса, и условия нашего информационного обмена, когда наше знакомство с разными культурами зачастую происходило исключительно в свете массовой культуры. Здесь же речь идет о возможности появления новых контактов на основе познания фундаментальных традиций.

Философия, продолжающая традиции, — это философия русского космизма, в соответствии с которой наша мысль — дело планетарного масштаба. С этой точки зрения мы развиваем и образ полета, восходящий к Александру Васильевичу Сухово-Кобылину. Все помнят этого драматурга по комедии «Свадьба Кречинского», но едва ли многие знают о том, что это тот философ, который 40 лет переводил Гегеля, человек, создавший «Учение Всемира» — гениальное учение, которое положено в основу деятельности Русского космического общества. Поэтому Россия здесь может дать очень многое, включая и хорошо знакомые вам идеи экологии культуры Д. С. Лихачева, в которой важная сторона, а не просто один из разделов, — это философское осмысление человеком самого себя и своего родного мира: наша культура осмысляет экодом, наш сакральный дом, то есть Землю.

Что касается других стран, то там тоже есть немало интересного, скажем, в Бразилии, оказывается, активно развивается экофилософия. Культурологи знают, что историко-персонологический подход сформировала Светлана Николаевна Иконникова в Петербургском университете культуры. Мы взяли его за основу и ра-

ботаем с ним, поэтому с этой точки зрения Бразилия оказалась чрезвычайно интересным пространством, фактически не освоенным. Что касается Индии, то знакомство с традициями и мыслью Рабиндраната Тагора приводит к важному открытию — думать, что человечество может потерпеть нежелательное поражение, преступно, поэтому необходимо выстраивать мышление в соответствии с иными векторами. Если же говорить о Китае, то это целый мир. Здесь есть огромные традиции в изучении связи и компаративистике. Меня приятно удивила одна из книг — фундаментальное исследование «Спасите человечество» китайского мыслителя Ху Цзяци. Поэтому самые разные контакты и введение в наш научный аппарат китайских идей и образов представляются важными и продуктивными, не говоря уже о южноафриканских. Южно-Африканская Республика — родина такого философского направления, как холизм. Сто лет назад южноафриканский философ Ян Сметс написал замечательный труд «Холизм и эволюция». По-моему, это единственный из классических трудов, который до сих пор не переведен на русский язык, поэтому мы читаем его на английском. Там огромное количество интересных образов и мыслей.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разрешите предоставить слово профессору Андрею Валерьевичу Скоробогатову.

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — В конце февраля была принята Стратегия национального научно-технологического развития России, в которой содержится очень важный в контексте нашей конференции момент. Впервые появляется не просто определение, а именно легальная дефиниция конструкции «большие вызовы»: «Большие вызовы — объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов». Конечно, данное определение было дано в первую очередь с технологической точки зрения. Однако, на мой взгляд, это можно трактовать и в ценностном контексте. И в этом плане наша конференция как раз может рассматриваться как одно из средств преодоления этих больших вызовов.

На пленарном заседании очень много говорилось об идентичности России, в том числе поднимался вопрос, можно ли считать Россию евразийской страной или европейской? В то же время не был отмечен интересный момент — с тем, что исторически Россия формировалась как мир-цивилизация, спорить никто не будет, а вот то, что она складывалась как цивилизация пограничная, причем не столько пространственно, сколько культурно, необходимо представлять себе более четко. И Россия исторически впитывала как восточные, так и западные ценности и технологические инновации. Но при этом даже в периоды масштабных заимствований, наподобие эпохи Петра I, речь не шла непосредственно об аккультурации или трансфере. Речь шла в лучшем случае о рецепции. Поэтому то, что заимствовало, адаптировалось к русской почве,

и изначально был курс на создание собственного конгломерата со своей культурной или цивилизационной парадигмой, во главе которой находятся два очень значимых момента — соборность и этатизм. При этом отношения государства и общества находились в определенном единстве. На мой взгляд, наиболее успешное осознание такого единства воплощено в знаменитой триаде графа Сергея Семеновича Уварова, которую принято называть теорией официальной народности: «Православие, самодержавие, народность». Если мы попытаемся заменить понятия, которые использовал Уваров, аналогичными ценностными компонентами, то получится, что самодержавие — это государство, то, что соответствует этатизму, православие — идеология, народность — общество. То есть единство общества и государства на общей системе ценностей. И это то, что, и по мнению Уварова, и по моему, спасало Россию от значительных потрясений, а как раз в тех условиях, когда это единство нарушалось, происходили революционные потрясения, и сейчас мы вновь возвращаемся к нему.

Собственно, вот те конституционные изменения, которые произошли в 2020 году. Я не считаю, что 2020 год следует рассматривать как время конституционной реформы — это ее начало, а ее завершением, по сути, должно стать создание единой идеологии. Сейчас предпринимается попытка этого, особенно с учетом Стратегии национальной безопасности и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Безусловно, в этих документах, как и в самом тексте Конституции, провозглашен очень важный ценностный момент, а именно обращение к истории, прошлому, исторической правде. И если мы говорим о формировании России как цивилизации, то именно этот ретроспективный компонент очень значим: преемственность ценностей и предидущих поколений, воспроизведение того социального опыта, который был характерен для предков, в России традиционно являются одними из очень важных элементов развития.

При этом мы вполне можем говорить о том, что России свойственно развитие с учетом постоянного реформаторства. Однако это нельзя рассматривать как исключительно негативное явление, потому что реформаторство ведет к совершенствованию, и не только технологическому, но и ценностному. И в этом смысле обращение к опыту предков позволяет по-иному взглянуть на этот ценностный компонент и активно использовать его для продвижения, в том числе и политических, и правовых реформ. Мнемонический дискурс, о котором я говорил в своем докладе, следует рассматривать с точки зрения обращения к памяти. В России и в XVII–XIX веках, а тем более в XX и XXI многонациональная общность российский народ — это не просто некая словесная конструкция, а действительно ценностное явление, предполагающее единство — единство ценностей, и в частности обращение к прошлому.

Иногда пытаются рассуждать об исторической идентичности. На мой взгляд, историческая идентичность, если признавать ее существование, скорее явля-

ется частью конституционной, которая создается в том числе и историческими средствами, например исторической политикой, которая и будет составлять основной пласт мнемонического дискурса в его текстовом выражении. Текст я здесь понимаю не только вербально, но и символически, включая в мнемонический дискурс не только законодательство, но и практики, скажем, «Бессмертный полк». Но поскольку я все-таки юрист, для меня наиболее важным компонентом дискурса является законодательство — так называемое мемориальное законодательство, которое можно рассматривать в качестве важнейшего элемента исторической политики. Под исторической политикой можно понимать набор юридических практик, посредством которых государство стремится утвердить определенные интерпретации событий прошлого как наиболее аутентичные историческим реалиям и транслировать их как мнемонический дискурс.

Если говорить о роли мемориального законодательства в исторической политике, то можно отметить ряд функций, которые хорошо раскрывают его содержание. Во-первых, символическая функция, которая выражается в придании значимости определенным событиям, имеющим, по мнению государства, значение для консолидации социума. В этом плане наиболее важным нормативным актом является Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России», в котором обозначены те даты, имена и события, которые являются знаковыми и при этом оформляют тысячелетнюю историю России и преемственность российской государственности на протяжении этого периода. Вторая функция — интерпретативная, третья — идентификационная. Все это, собственно, политические функции. И три функции юридические — это охранительная, связанная с защитой исторической памяти, регулятивная, направленная на регламентацию определенных событий, и воспитательная, предусматривающая трансляцию исторической информации в процессе правовой социализации с целью формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения.

Антон ТУМАНОВСКИЙ, IV курс, факультет конфликтологии: — *В ходе своего доклада Вы отметили необходимость создания идеологии. Но сейчас у нас присутствует плюрализм мнений. Как Вы думаете, при создании идеологии мы должны интегрировать какие-то отличающиеся мнения или отсекаать?*

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Когда мы говорим об идеологии, это не значит единая идеология, это значит официальная идеология, а это немного другое. Официальная идеология — это, с одной стороны, определенный компромисс, а с другой — то, что носит ценностный характер и что, говоря немного высокопарно, выстрадано исторически. В то же время если мы говорим о значении идеологии, то без полноценной идеологии провести правовую реформу, которая обеспечила бы эффективное функционирование общества, не получится. У нас изменение законодательства шло с 1993 года, 30 лет, и мы не завершили полноценную

реформу. В то же время, если мы возьмем модификации 2022–2024 годов, которые основывались на идеологии, то были приняты не противоречащие друг другу кодексы и правовая реформа была осуществлена. Аналогичный опыт был при систематизации Михаила Михайловича Сперанского, когда в основу тоже была положена именно идеологическая компонента. То есть сейчас мы разрабатываем полноценную идеологию, которая найдет отражение не в имеющейся, а в новой Конституции. Потом, соответственно, мы сможем говорить о разработке единой концепции правовой реформы, а затем уже об изменениях в правовой сфере и создании общества, в котором правопорядок будет основываться не на принуждении, а на внутреннем убеждении каждого человека, что исполнение закона является необходимым условием его существования и реализации не только его социальных, но и индивидуальных ценностей. И соблюдение правопорядка будет добровольным на уровне социально активного правомерного поведения.

Виктория ГЛУХОВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Вы говорили о том, что нужно создать специальную идеологию, но при этом у нас многонациональная страна. Разве это не приведет к национальным и религиозным конфликтам?*

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Я приведу только одну ценность, которая объединяет все наши народы. Патриотизм — вот на этой базе вполне можно говорить о формировании единой идеологии.

А. Р. КЕТОВ, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП: — *Когда будет создана идеология в России?*

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Конечно, точную дату я вам не назову, но тот курс, который взят с изменениями в Конституции, позволяет говорить, что мы движемся в этом направлении. Вопрос в том, решатся ли наши президент и Государственная Дума на принятие новой Конституции или нет. Потому что в рамках действующей Конституции, к сожалению, это невозможно.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разрешите предоставить слово профессору Руслану Васильевичу Костюку.

Р. В. КОСТЮК: — Коль скоро наша секция акцентирует внимание на вопросах, связанных с перспективами для России, я решил выступить на тему «Латиноамериканский вектор, возможности для России». Весьма значительными в современной системе международных отношений представляются место и влияние Латинской Америки, поскольку речь идет о регионе, где проживает порядка 660 млн человек.

Когда мы говорим о Латинской Америке, необходимо понимать, насколько непростой этот регион. Даже в трех ведущих странах — Бразилии, Мексике и Аргентине — идет острая внутриполитическая, даже классовая борьба, в том числе и по вопросам внешней политики. При этом в Концепции внешней политики России говорится об укреплении дружбы

и взаимовыгодных отношений конкретно с такими странами, как Бразилия, Куба, Никарагуа и Венесуэла. Имеют место довольно теплые отношения с Венесуэлой. Можно сказать и о российско-кубинских отношениях, происходит важное взаимодействие с Бразилией, в том числе в рамках БРИКС. При этом мы действительно можем говорить о серьезных и разнообразных перспективах для России применительно к Латинской Америке, учитывая тот факт, что подавляющее большинство латиноамериканских стран, в том числе ведущие государства, и в первую очередь Бразилия и Мексика, выступают за позиции многосторонности и мультилатерализма в системе международных отношений. Этот фактор представляется крайне важным. И реальная политика, которую проводит большая часть латиноамериканских стран, вполне соотносится с приверженностью идеям мультилатерализма. Абсолютное большинство латиноамериканских стран выступают за реальные изменения в системе международных отношений. Если говорить о конкретных проявлениях этого латиноамериканского вектора, то это давние военно-технические связи, которые продолжаются и генерируются и на этом этапе, в частности российско-венесуэльские. Причем я бы привел в пример не только эти условно радикальные левые страны — военно-техническое сотрудничество осуществляется и с такими государствами, как Эквадор и Бразилия, соответственно латиноамериканский рынок важен для России.

Теперь о вопросах, связанных с торговлей. Хотелось бы поднять имеющийся уровень внешнеэкономического сотрудничества. Но реально на Латинскую Америку сегодня приходится примерно 2–3 % внешней торговли Российской Федерации. У нас есть очень серьезные конкуренты в этом регионе, в отношениях с ними та роль, которую во внешнеэкономическом плане играют Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика, огромна.

В заключение хочу сказать о многомерном значении региона Латинской Америки и Карибского бассейна для России — оно и геополитическое, и стратегическое, и внешнеполитическое. И, конечно, необходимо сохранять и укреплять существующие гуманитарные и торгово-экономические связи.

А. ТУМАНОВСКИЙ: — *Недавно в Аргентине на президентских выборах победила такая эксцентричная особа, как Хавьер Милей. И по крайней мере на уровне риторики это политик с прозападным курсом. Как Вы считаете, это обращение Латинской Америки к США — исключение из правил в случае Хавьера Милей или какой-то общий тренд?*

Р. В. КОСТЮК: — Я с вами соглашусь в определении, которое вы дали Милею. Это как раз и показывает, что там внутриполитическая повестка соседствует с внешнеполитической. Мне кажется, и выборы, которые не так давно состоялись в Эквадоре, где тоже победила правоцентристская коалиция, показывают, что какого-то однородного движения в Латинской Америке в ту или иную сторону не существует. Действитель-

но, на сегодняшний момент в континентальной Южной Америке большинство стран управляются левыми или левоцентристскими силами. Но тренд зависит от страны. Действительно, в большей степени те президенты, которые придерживаются правой, правоцентристской ориентации, как, например, в Аргентине, готовы продолжать взаимодействие с Соединенными Штатами Америки, хотя можно сказать о том, что эти фигуры несколько смущают Америку. Можно вспомнить, например, о не очень простых взаимоотношениях, которые складывались у США с Бразилией при Жаире Болсонару, который придерживался крайне правых взглядов. То есть здесь внутренняя и внешняя политика коррелируют.

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — *Как Вы думаете, насколько можно использовать в России опыт латиноамериканских стран, касающийся взаимоотношений общества и государства, в частности применения обычного права для общинного судопроизводства и закрепления этих вопросов на уровне Конституции?*

Р. В. КОСТЮК: — Я специально этим вопросом не занимался, но мне кажется, что элементы общинного права в разных странах, особенно в Центральной и Южной Америке, действительно присутствуют. Это связано с южноамериканскими мультикультурными обществами, где в последние десятилетия расширилось традиционное правоприменение, скажем, у коренных индейских народов, например в Боливии и Перу. Хотя, как мне представляется, в самих этих странах, их общественно политическом движении нет единой точки зрения по тем преобразованиям, которые были сделаны.

Елизавета АКУБАКОВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Можно ли утверждать, что у Латинской Америки есть шанс перейти из статуса основного партнера России в статус потенциального друга?*

Р. В. КОСТЮК: — В целом говорить о Латинской Америке сложно, потому что, как я уже сказал, есть разнонаправленные страны с точки зрения их внешней политики. Например, у таких государств, как Парагвай, я думаю, вряд ли, а некоторые страны уже рассматриваются как таковые. Возьмем Венесуэлу и Кубу, о которых я уже говорил. Просто надо понимать, что единой внешней политики у латиноамериканских государств не существует. И может быть, это связано с тем, что интеграционные процессы последние 10–15 лет там пробуксовывают, а некоторые объединения, по сути, распались и существуют только на бумаге. Но тем не менее в отношении многих стран ваш вопрос закономерен и такой шанс есть.

Юлианна РАДЧЕНКО, I курс, факультет конфликтологии: — *Как Вы считаете, какая страна латиноамериканского региона является наиболее перспективной для России в контексте межкультурной коммуникации?*

Р. В. КОСТЮК: — Наверное, Бразилия и Мексика — это ведущие страны с экономической точки зрения, и с очень богатой историей, в том числе историей культуры. И, кстати говоря, тоже страны, где общество в значительной степени мультикультурное, к тому же федеративные государства. То есть тут у нас много общего. И эти государства, по крайней мере, по-своему реальному геополитическому весу, претендуют на то, чтобы Россия развивала с ними взаимовыгодные и равноправные отношения, в которых межкультурное изменение играет не последнюю роль.

Варвара НИКИТИНА, I курс, факультет конфликтологии: — *В чем именно заключается значение для России товарно-денежных отношений с Латинской Америкой?*

Р. В. КОСТЮК: — Дело в том, что это очень отдаленные регионы, и логистически товарообмен именно Российской Федерации с латиноамериканскими странами — это сложное и затратное дело. Хотя, например, Китай ведь находится тоже не очень близко к Латинской Америке, но тем не менее сумел превратиться для многих стран, в том числе ведущих, таких как Бразилия и другие, в главного внешнеторгового партнера. То есть Латинская Америка не особенно нуждается в российском энергетическом сырье, потому что там есть Венесуэла и другие страны. Вопрос в том, что мы можем предложить латиноамериканским странам? Здесь, наверное, следует использовать опыт СССР, который в 1970–1980-е годы выстраивал взаимовыгодные экономические отношения. Потом была определенная пауза, а когда мы ушли, пришли другие и заняли эти позиции. Поэтому сегодня в плане внешнеторговых отношений приходится наверстывать упущенное. А это сложно, потому что другие страны никуда уходить не собираются.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Действительно, если считать не по номиналу, а по паритету покупательной способности, то доля России в мировом ВВП не превышает 3 %, а доля Китая приближается к 20 %. Размер экономики оказывает воздействие на степень влияния и всю внешнюю политику Китая. Мы же пытаемся не только нарастить наше политическое, военное, геополитическое присутствие в мире, но и в торговом плане стать интересными для разных стран, в том числе расположенных в Западном полушарии.

Объединение БРИКС+ сегодня включает 10 стран: в 2024 году полноправными членами БРИКС стали Иран, Саудовская Аравия, Египет, Эфиопия и ОАЭ. И присоединилась бы Аргентина, если бы ее президент в конце декабря прошлого года не отозвал заявку страны на вступление. Позиция Эр Рияда, в общем, ясна — принципиальное решение о вступлении принято, представители Саудовской Аравии уже работают в различных структурах БРИКС. Еще несколько стран изъявили желание вступить в объединение, среди стран-наблюдателей такие крупные государства, как Алжир, Пакистан, Бангладеш, Венесуэла. Так что БРИКС+ динамично развивается, и уже встает вопрос

о том, как балансировать между количественным и качественным развитием этого клуба. Но это отдельная большая тема.

Приглашаю к микрофону Дарью Александровну Ананьину.

Д. А. АНАНЬИНА: — Уважаемые коллеги! Сибирь и Дальний Восток сегодня — это регионы, на территории которых в первую очередь осуществляется внешнеполитическая переориентация России на Восток, они фактически становятся центром поворота на Восток.

Забайкалье исторически было территорией транзита различных культур, что делало проницаемыми и довольно зыбкими границы между этими культурами, а в регионе формировало специфическую социокультурную реальность. Отношение населения к своему краю несколько противоречиво: с одной стороны, мы его любим, гордимся его красотой и культурой, с другой — испытываем некоторую обиду за его «ссылное» прошлое и «периферийное» настоящее.

Ближайшие к нам страны — Монголия и Китай. Монголия во многом находится «в тени» своего соседа-гиганта, поэтому жители Забайкалья направляют свое внимание преимущественно на Китай: среди фирм-экспортеров, сотрудничающих с этими странами, на Монголию приходится менее 10 %.

Отношение к Китаю в последние десятилетия претерпело значительные изменения — от настороженности из-за непонятной культуры и памяти о политических разногласиях до заимствования некоторых культурных особенностей на индивидуальном уровне и предприимчивого взаимодействия в бизнесе. Здесь все помнят, как в 1990-х годах развивалась челночная торговля, благодаря которой был преодолен дефицит потребительских товаров. Тогда погранпереход Забайкальск–Маньчжурия стал настоящей «дорогой жизни» и для самих челноков, и для тех, кто покупал привезенные ими вещи. Этот бизнес успешно функционировал вплоть до пандемии COVID-19, но теперь, вероятно, уйдет в прошлое, так как в этом году введены ограничения на объем ввозимого багажа.

Вчера Константин Федорович Затулин в своем выступлении сказал, что Россия является частью европейской цивилизации. Так ли это? У меня монгольские корни, я жила сначала в Якутии, затем в Забайкальском крае... Наверное, я все же в большей степени азиатский человек; скорее всего, и по ментальности тоже. А что насчет моих земляков? Один пример. Для среднестатистического жителя Забайкалья, например, обычное дело — пойти на Пасху в православный храм освятить куличи и отстоять пасхальное богослужение. А через несколько дней пойти в буддистский дацан и заказать там астрологический прогноз или выполнить определенный обряд перед важным событием. В этом нет никакого противоречия, никакого конфликта.

В общем, я хочу подвести итог: в Забайкальском крае мы имеем интеграцию и толерантность культур, взаимопонимание и дружественную атмосферу. У нас культуры не конкурируют между собой, а живут и развиваются в мире и согласии.

Алина КУЛАЕВА, I курс, факультет конфликтологии: — *Часто приходится слышать, что в России сочетаются европейская и азиатская культуры. Преобладает ли в Забайкальском крае влияние азиатской культуры?*

Д. А. АНАНЬИНА: — Мы с коллегой Чжао Хун, с которой вместе приехали сюда, обсуждали этот вопрос. В нашем регионе нет такого, чтобы одна культура вытесняла другую, — напротив, происходит их гармоничная интеграция. С одной стороны, мы придерживаемся православных канонов, читаем книги европейских авторов и т. д. Однако ориентация на Восток заложена в глубине нашей ментальности, потому что мы родились на этой территории, общаемся с коренными народами — бурятами, монголами, регулярно взаимодействуем с китайцами. Здесь нет никаких противоречий. На мой взгляд, это уникальная черта Забайкалья.

А. ТУМАНОВСКИЙ: — Представляет ли собой угрозу экономическая экспансия Китая? И должно ли государство принимать протекционистские меры?

Д. А. АНАНЬИНА: — Действительно, вопрос экономической экспансии Китая сегодня чрезвычайно актуален. Поскольку экономика Забайкальского края основана на освоении природных ресурсов и очень слабо диверсифицирована, политика Китая представляет собой определенную угрозу. Но проблема заключается не в китайцах, а в нас. Необходимо принимать срочные и важные решения, чтобы создать плацдарм для преодоления этой ситуации.

Негативный тренд, который мы наблюдаем сейчас, — наследие 1990-х годов. Если мы не начнем немедленно работать над тем, чтобы началась диверсификация экономики региона, чтобы цепочки добавленной стоимости создавались именно на территории Забайкалья, то Китай, конечно, этим воспользуется.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — *Скажите, пожалуйста, можно ли говорить не только об экономической, но и о демографической экспансии Китая в Ваш регион?*

Д. А. АНАНЬИНА: — В 2010-е годы об этом много говорили, сейчас меньше. Не так давно мы с коллегами выполнили небольшое исследование по результатам переписи населения в Китае, проведенной в 2020 году. Оказывается, демографический тренд там такой же, как и у нас и еще во многих странах: на северо-востоке и северо-западе страны отмечается снижение плотности населения, довольно обширные площади уже обезлюдели. Поскольку в Китае ощутимо выросло благосостояние, люди могут себе позволить выбирать место жительства, и они мигрируют в те регионы, которые представляются им более комфортными для жизни. В частности, население автономного района Внутренняя Монголия с 2010 года сократилось на несколько сотен тысяч человек. В китайском дискурсе есть теория «линия Ху». Это условная линия между городами Хэйхэ (на северо-востоке) и Тэнчун, делящая страну на две неравные части. К западу от этой линии,

на 56 % территории Китая, проживает всего 6 % населения, остальные 94 % — восточнее. То есть регионы Китая развиваются неравномерно, а граждане стремятся переехать не в северную часть страны, а в центр и на юго-восток. Поэтому мы не видим оснований тревожиться о том, что будет демографическая экспансия. Даже в Забайкалье, где в 2010-е годы трудилось очень много мигрантов из Китая, сейчас их не встретишь. Те китайцы, которые все же приезжают, не работают на стройках, а учатся в аспирантуре наших вузов или (реже) занимаются бизнесом. А основную часть трудовых мигрантов составляют граждане стран Центральной Азии. В общей численности населения региона их довольно много, что заметно отражается на социокультурной карте Забайкалья. В общем, говорить о китайской экспансии, по-моему, нет оснований.

Екатерина ЧУДАЙКИНА, I курс, факультет конфликтологии: — *Мы все отмечаем положительные тенденции сотрудничества России и Китая в разных областях, прежде всего в экономике и торговле. Однако наблюдаются и негативные эффекты, например закрытие магазинов из-за высокой инфляции и падения спроса. Можно ли сделать вывод, что наши страны стали слишком зависимы друг от друга?*

Д. А. АНАНЬИНА: — На мой взгляд, наоборот: укрепление сотрудничества в разных сферах — экономике, культуре, образовании — это способ выживания и для России, и для Китая. Мы не можем не ориентироваться на восточных соседей, так как территория нашей страны весьма обширна, и развитие в регионах, отдаленных от центра, должно происходить с учетом географических и природных характеристик. Я бы не стала употреблять термин «созависимость» — по-моему, это в большей степени взаимовыгодное сотрудничество.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разворот на Восток — это не лозунг, а стратегия. К сожалению, нам пока не удается переломить такую негативную тенденцию, как внутренняя миграция населения с востока на запад. Поэтому здесь впереди большая работа. Подавляющее большинство россиян проживает в европейской части страны, а многие из тех, кто продолжает жить в Сибири и на Дальнем Востоке, хотели бы переехать на территорию западнее Урала. В этом заключается настоящий вызов. Полноценный разворот на Восток будет невозможен, если мы не решим ряд вопросов внутри страны.

Начиная с петровских времен вся политика России была ориентирована на Запад, но сейчас мы стараемся сделать ее многовекторной, выстроить новые отношения со странами в разных частях света. А у Китая была и, наверное, сохраняется направленность на юг, и поэтому южная часть страны — наиболее развитая и с точки зрения экономики, и в военно-политическом плане. Ведь именно в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях чаще всего возникает напряженность и конфликты. Поэтому Россия и Китай вполне обоснованно рассуждают о стратегическом партнерстве. Это не налагает на них военно-политических обязательств,

тем более что главные очаги геополитического напряжения для России и Китая отстоят друг от друга на многие тысячи километров.

Предоставляю слово сотруднику Института Африки РАН Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Мои научные интересы уже много лет связаны с Африкой, поэтому и тезисы будут касаться истории и сегодняшнего дня этого континента. Африку можно рассматривать как своеобразное зеркало, в котором отражаются все события, так или иначе имеющие отношение к БРИКС.

Вчера многие коллеги говорили о том, что человек в современном мире лишился привычной системы координат, и в этом заключается глубинная причина многих конфликтов и других проблем на разных уровнях. В Африке же, напротив, человек является неотъемлемой интегрированной частью философии и политики. Например, этика убунту тесно переплетается с тем, о чем вчера говорил представитель Международного фонда Вивекананды, — что весь мир — это большая семья, причем под словом «мир» понимается не только человечество, но и вся живая природа.

В 2024 году отмечается круглая дата со дня вступления в должность президента ЮАР Нельсона Манделы — лауреата Нобелевской премии мира. Он сумел (правда, лишь на определенный период) сохранить мир в стране, когда в ней существовала колоссальная угроза гражданской войны. Буквально на пороге был реванш со стороны чернокожего населения, которое долгое время жило в условиях апартеида, и этот реванш мог взорвать страну. Но Мандела использовал методы, основанные на философии убунту: он создал комиссии истины и примирения, которые сделали возможным примирение. Его союзником в этом деле стал Фредерик Виллем де Клерк, тоже нобелевский лауреат, и они вместе удержали страну от всплеска криминала и гражданской войны. Правда, позднее многое пошло не так, как планировалось. Реванш все-таки состоялся в виде «расизма по-черному», а репрессиям подверглось белое население — буры. И буры обращались к россиянам с просьбой о помощи: они хотели каким-то образом организовать на территории Южной Африки самостоятельное южно-бурское государство.

В 2024 году мы отмечаем также скорбную дату — 30-летие геноцида в Руанде. Страшное событие, когда при попустительстве ООН было истреблено около миллиона человек. Для разбирательства был создан международный трибунал, но эти трагические события долгое время даже не объявляли геноцидом, а сам трибунал при обычной скорости рассмотрения дел должен был растянуться на сотни лет. Естественным желанием пострадавших было отомстить. Но в Руанде существуют традиционные народные суды гачача («гачача» в переводе с языка киньяруанда означает «лужайка»), и они спасли положение. В случае признания человека виновным предусматривалось наказание в виде большого срока лишения свободы. Главное, что должны были сделать обвиняемые, — покаяться. Раскаяние было и основным требованием в ЮАР, когда при Манделе работали комиссии истины и прими-

рения. В Руанде тутси и хуту предстояло жить все на тех же холмах, где и прежде, поэтому было необходимо преодолеть агрессивные порывы. Международные правозащитные организации выступали против судов гачача. Тем не менее положение удалось урегулировать, и сейчас Руанда входит число быстро развивающихся стран и с точки зрения экономики, и в плане преодоления криминальной обстановки.

Россия активно наращивает сотрудничество со странами Африки по разным направлениям — экономическому, политическому, культурному. Состоялось уже два саммита. Но я проводила эмпирические исследования с помощью перекрестных опросов, в том числе выясняла мнение представителей российского и местного бизнеса о том, какова должна быть форма их социальной ответственности. И оказалось, что российский бизнесмены придерживаются прагматической англосаксонской модели: не стремятся к долгосрочному сотрудничеству, а хотят получить быструю выгоду. Последний опрос состоялся в 2018 году, но я слабо верю, что с тех пор их стратегии изменились.

Однако африканцы верят в то, что Россия несет в мир справедливость, и к тому же мы декларируем определенные общественные ценности, в том числе социальную ориентацию государства. В то же время наш бизнес нередко действует по капиталистическим правилам. А мы знаем, что присутствие западных капитран в Африке традиционно включало такие понятия, как метрополия, периферия, колония. Под такую политику была подведена идеологическая база в виде концепций Мальтуса и Дарвина. Самый известный труд Дарвина в русском переводе называется «Происхождение видов», но оригинальное название было другим: «Происхождение видов путем естественного отбора и сохранения благоприятных рас в борьбе за жизнь». То есть в ней представлена идеология фактически одного из полюсов мира, который просуществовал до 1990-х годов. И это расистская, колониальная идеология. Нам надо выстраивать отношения на другой ценностной основе — и со странами Африки, и в рамках БРИКС. На какой? Надо об этом думать, формировать работающую стратегию.

Несколько слов о статусе Алжира относительно БРИКС. Сейчас Алжир является наблюдателем, но раньше он подавал заявку и получил отказ, так как Индия использовала свое право вето и заблокировала вступление Алжира в БРИКС. Этому предшествовали два события. Первое — военный переворот в Нигере, где фактически к власти пришел генерал Тчиани. Он первым же своим указом поднял цены на золото и уран и тем самым фактически остановил торговлю с Францией, где практически вся энергетика базируется на урановом топливе. Различные страны, в том числе Африканского союза, повели себя по-разному; Экономический союз Западной Африки даже хотел осуществить военную интервенцию в Нигер. Но Алжир подержал генерала Тчиани — это было первое событие. Вторым событием стал визит Моди во Францию. В результате Алжир не стал членом БРИКС. Этот пример наглядно демонстрирует, что мир един, в нем все взаимосвязано. Это мир-система.

Сегодня в мире фактически ведется гибридная война. В выступлении Андрея Викторовича Манойло прозвучал термин «информационные войны». Мне хотелось бы немного структурировать эти моменты. В информационную эпоху война ведется на нескольких уровнях.

Первый уровень — мировоззренческий, в который входят: идеология, картина мира, факты истории; образы прошлого, героев, побед, гордость народа за те или иные события отечественной истории; лидеры и язык. Мы видим, что война ведется в том числе как воздействие на ключевые смысловые точки. Например, происходит дискредитация побед, в том числе России, дискредитация лидеров. В Африке мощные пропагандистские машины работали на дискредитацию Мугабе и Каддафи, а сейчас и российских лидеров буквально демонизируют. Запрет русского языка — казалось бы, ничего страшного, пусть говорят как хотят. Но это воздействует на менталитет, это другая система ценностей.

Второй уровень — финансово-экономический, то есть воздействие на ключевые возможности того или иного государства. Это санкции, контроль над центрами эмиссии валюты и т. п. Почему, например, Каддафи хотел ввести золотой динар и отказаться от американского доллара? А сегодня Альянс государств Сахеля, в который входят Мали, Буркина-Фасо и Нигер, собирается ввести свою валюту, тоже отстраиваясь от долларовой системы. В связи с этим следует ожидать очень мощного противодействия. Чем сильнее лидер, а значит, и его страна, тем больше будет противодействие.

Следующий уровень — технологический и военный. Мы совершаем большую ошибку, обращая внимание на войну лишь тогда, когда она перешла в горячую фазу, и не замечая предыдущих этапов. А между тем война на концептуальном уровне — это тоже война.

Когда воздействие на ту или иную страну осуществляется на всех трех уровнях, то это война. Если же у нас по внутреннему контуру проработаны эти три уровня, значит, мы работаем со своими рисками, нейтрализуем их и можем говорить об укреплении системы и повышении собственной конкурентоспособности. И если мы рассматриваем построение многополярного мирового порядка как проект, то должны думать не только о «Сарматах», но и в первую очередь — о концептуальном мировоззренческом уровне. На мой взгляд, эта составляющая у нас отстает.

Денис ГЛАДЫШЕВ, I курс, факультет конфликтологии: — *Вы упомянули о военном перевороте в Нигере. А мы знаем, что Африканский континент вообще считается рекордсменом по количеству революций. Как Вы полагаете, возможно ли построение прочных стабильных политических и экономических отношений между Российской Федерацией и большинством африканских государств?*

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Можно назвать это переворотом, а можно — антиколониальной борьбой. Сами

африканцы рассматривают события в Нигере, Буркина-Фасо, Мали как элементы антиколониальной борьбы и даже антинеоколониальной революции. И России тоже нужна ценностная и концептуальная определенность. В Советском Союзе она была, а вне страны нас поддерживали мощные силы в виде коммунистических партий. Благодаря этому рухнула колониальная система, что было подтверждено соответствующими документами ООН, внесенными по инициативе СССР. Так что мы на правильном пути.

Никита МОРОЗОВ, IV курс, факультет конфликтологии: — *В последние годы Китай активно инвестирует в Африку, и этот регион становится зоной его влияния. Как это может повлиять на двусторонние отношения Россия–Африка и Россия–Китай, в том числе внутри БРИКС?*

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Да, Китай в Африке действует очень активно и мудро, с прицелом на будущее. Но не думаю, что это может повлиять на отношения между Россией и Китаем. К тому же деятельность китайцев не во всем устраивает африканцев. Дело в том, что китайцы привозят свою рабочую силу, а это означает безработицу и другие социальные проблемы для местных жителей. Товары из Китая не всегда хорошего качества, мопеды и велосипеды приходится часто ремонтировать. Но много и плюсов, например благодаря китайцам в странах Африки расширяется строительство. А то, что построенные объекты не всегда отвечают всем требованиям, — так китайцы же в конечном счете работают на Поднебесную. Надо понимать, что Китай преследует собственные интересы, но при этом Африка тоже получает довольно много. Например, китайцы могут купить не до конца разведанные месторождения, где нет еще никакой инфраструктуры и даже дорог. Они полагаются на данные, полученные со спутников, и инвестируют на перспективу, потому что мыслят другими категориями: тысячелетие позади, тысячелетие впереди.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я думаю, что чем больше у России будет круг партнеров, а то и друзей, тем пристальнее надо следить, какие там происходят политические процессы. Чтобы различать, где антинеоколониальная борьба, где военный путч, а где массовое движение за то, чтобы лишить власти компрадорские слои буржуазии и проводить политику, которая больше отвечает национальным интересам. И следить за тем, чтобы бремя военно-технической, экономической и финансовой поддержки не становилось чрезмерным для нас.

С огромным удовольствием приглашаю на трибуну госпожу Чжао Хун из Китая.

ЧЖАО ХУН: — Культурное сотрудничество стран БРИКС занимает большое место в стратегии объединения, так как только на его основе возможны все остальные виды плодотворного взаимодействия. Стратегическое партнерство и координация усилий Китая и России отвечают их долгосрочным и фундаменталь-

ным интересам. Отдавая свои голоса за многополярный мир, наши страны способствуют демократизации международной политики и экономическому сотрудничеству на равноправной основе. Будучи крупнейшими мировыми державами, Китай и Россия несут ответственность за всемирную безопасность на суше и на море, поэтому взаимопонимание между ними поможет избежать масштабных ошибок и катастроф.

Кооперация в сфере культуры развивается по разным направлениям — в области образования, науки, туризма, спорта, искусства. Важные функции в этой деятельности выполняет российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству.

Однако взаимодействие между двумя странами в сфере культуры сопряжено с определенными проблемами и рисками. В то время как М. Н. Фомина утверждает, что международные отношения во многом зависят от непосредственных контактов между народами, по мнению Л. Л. Сухадольской, потенциал существующей модели гуманитарного взаимодействия почти исчерпан и требуются новые основания для организации совместной деятельности. Китайские ученые также отмечают некоторые проблемы, хотя в целом положительно оценивают результативность культурных обменов между Россией и Китаем. Поскольку культура развивается в русле всестороннего развития общества, по ней можно судить о духовном и материальном благополучии общества. В то же время культура воздействует на модели потребления, принятые в обществе. Качество жизни, с точки зрения граждан, в любой стране и культуре должно отвечать некоторым требованиям, чтобы считаться достойным.

Эффект, который оказывает культурное сотрудничество на взаимодействие в экономической сфере, будет достаточно высоким, если при этом осуществляется кооперация в области образования, массмедиа, искусства и т. д. Министры культуры стран БРИКС на состоявшейся встрече пришли к общей позиции, что непосредственные контакты между людьми и культурные обмены служат «третьим столпом», на котором зиждется устойчивость объединения БРИКС. Поэтому необходимо продолжать развитие партнерских отношений, в том числе в гуманитарной сфере, включая так называемую народную дипломатию.

И. В. РУДИНА, доцент кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — *Как изменилось мнение китайцев о России, хотя бы за последние пять лет?*

ЧЖАО ХУН: — Могу сказать совершенно точно — Россия воспринимается как большой друг Китая. Россия, как нам представляется, переживает сложные времена, но Китай всегда будет стоять рядом.

Ал. А. ГРОМЫКО: — «Спина к спине», как говорят в Китае, стоят две наши страны в противоборстве со стратегией двойного сдерживания — в отношении Москвы и Пекина со стороны США.

Гуманитарная составляющая нашего сотрудничества очень значима, но не менее важен тот факт, что Китай — страна, достигшая за несколько десятилетий огромной экономической, финансовой и военно-технической мощи, поэтому она все громче заявляет о своем видении того, как должен развиваться мир. И если в XX веке в мире было принято рассматривать два центра силы — СССР и США, то теперь политическая стабильность в большей своей части зависит от трех игроков — США, России и Китая. В глубине своей территории китайцы строят новые шахты для стратегических ракет. Как будут развиваться отношения между тремя сторонами этого треугольника с точки зрения стратегической ядерной стабильности — это сейчас один из самых острых вопросов международной политики, которым озадачены специалисты по контролю над вооружениями во всех государствах.

Елизавета Александровна Ильинская подведет итог работы нашей секции.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Дорогие друзья, я считаю, что мы хорошо и плодотворно поработали — все выступления были очень интересными с точки зрения научных идей, и я надеюсь, что многие коллеги найдут их полезными для своей дальнейшей творческой работы.

Одна из тем моих научных исследований — бинарная оппозиция «свой–чужой», так что попытаюсь оценить нашу работу в этом контексте. По-моему, в настоящее время БРИКС может служить маркером, позволяющим распознать «своих» и «чужих». Конечно, бинарная оппозиция — это глубочайшая психоаналитическая, культурологическая, философская проблема. Но сейчас членами БРИКС являются десять государств, еще многие подали заявки, а еще больше считают, что они по духу ближе к БРИКС, чем к другой части политического глобуса. И мы понимаем, кто у нас «свой», а кто «чужие».

Благодарю участников и Оргкомитет нашей секции за работу и желаю всем дальнейших успехов.